

Рождество

рассказ

И даже снег здесь идет медленно, заноса под Рождество забытый богом город. Знакомцы, встречаясь на тропинках, сетуют:

– Замело.

– Да, давно такого не было.

– Вы сегодня откопались?

– Ага. Сейчас бы лыжи, – добродушно смеются.

Неспешные люди перебегают под густым снегом, тишина, такая, что слышно, как шуршит воздух. Медленный вдох и выдох, не забыть, как дышать.

Желтые улитки пробираются сквозь сугробы, ёрзая в колее, ругаются, как и жители, мечтающие залезть в теплое нутро прирученных животных. Смотри по сторонам, какая красота! У каждого свой маршрут, свое имя. Маша выбирает цифру 2. И улитка, чувствуя себя шумахером, рычит, протяжно выговаривая «р», разгоняется и ползет дальше.

Экскурсия за окном непривлекательная – сплошные белые занавески проплывают длинной стеной, изредка вдали виднеются черные крыши теплых домов и окон. В одном из них чья-то бабушка заваривает чай со смородиной и жарит для внука пирожки с картошкой, они шипят на сковородке, тесто обиженно надувается и превращается в румяную корочку. Внук нетерпелив и хватает один пирожок, обжигается и ревет. Бабушка суетливо бежит возле него, дует на пальчики, берет на руки и подходит к окну: «Смотри, снега-то сколько намело за ночь. Это ангелы на небе расшалились».

Снега за ночь выпало столько, что люди, находящиеся в плену январских праздников, вышли на улицы с лопатами. Если снег будет идти еще день, если он будет идти еще ночь, то никому не выбраться из Горьевска и ловушка захлопнется, окажется Маша, как птица в силках. «Только у птицы есть крылья. А мне девятого на работу». Она приехала в родной городок на пару дней,

встретиться с родственниками, поздравить их, а потом обратно домой. Уже десять лет, как девушка не жила здесь, да и не тянуло обратно. Отец первое время звал и постоянно говорил:

– Ну что ты там делаешь? Возвращайся обратно. Сколько денег уходит на съем жилья. А здесь у тебя своя комната, а работа везде найдется. Главное, чтобы в голове не пусто было.

– Пап, я же почти замужем. Да и расстояние всего 200 километров, не в Москве ведь живу.

– Ну, смотри сама. С женихом-то, когда познакомишь?

– Всему свое время, – Маша засмеялась.

Мысли текут неспешно, подчиняясь дыханию провинциального города. А тетя-то что учудила!

«Так, дорогая, тебе через несколько месяцев уже 27, роди в этом году. Хотя бы для себя, потом не успеешь, так в девках и просидишь».

Ага, в этом году для себя, а на следующий год для других? Но Маша промолчала. «Копи денег на ребеночка. Мы уже старые, но поможем, чем сможем. О себе не думаешь, о нас подумай. Внуков хотим». Многочисленные голоса тетушек и подруг сливались в один рой: «Рооооодиинии!».

Роди? А замуж? Ах, да. Дал бог зайку – даст и лужайку. А от кого родить? Ночью тридцать первого декабря, почти под бой курантов, Сережа сказал ей, что не знает, нужна ли она ему.

– Я запутался, – он заслонил лицо руками.

В темноте Маша не могла понять, плачет ли он, но спокойный голос продолжил: «Нам нужно расстаться. Я не люблю тебя».

Она, конечно, хотела услышать другое. Но где-то внутри таилось: «Может, так и лучше? Пока в очередной раз не променяли. Пока не выкинули, как собачку? Бороться за счастье можно только вдвоем. Всего полтора года в ведро, не четыре и без аборта». От последнего воспоминания Машу прорвало. Она рыдала в голос. Сережа гладил ее волосы и шептал: «Ну что ты. Успокойся. Не плачь. Ты хорошая, это я дурак». Так и просидели обнявшись, пока не наступил

новый год, выпили без слов шампанское и разбрелись по квартире. Они давно спали на разных диванах.

Жена ушла два года назад и забрала ребенка, которого Сергей не видел больше года. Ирина после развода не давала видиться с дочкой, не отвечала на звонки и сменила номер. В суд он идти не хотел, отстаивать встречу с Катюшкой с помощью приставов, это казалось ему страшным сном. А он скучал по ней. А в последнее время, кажется, и по жене. Да, и по жене. Как он был счастлив, как ему хотелось создавать дом, зарабатывать деньги на совместное большое счастье. А с Машей не хотелось. То ли сил нет, то ли чувств. Скорее привычка. Но как это сказать? Она и так многое перенесла в своей жизни. Хотя могла бы и понять. Создавать еще одну несчастливую семью с детьми? Зачем?

«Маша, я пустой. Ты достойна лучшего, понимаешь. Пока не поздно, нам лучше разойтись. Так будет лучше для двоих. Мне нужно наконец-то понять, кем я хочу быть, а не казаться. Но это можно понять, только если я останусь наконец-то один».

В очередной раз Маша умерла. Задержала дыхание и не существовала. Десять секунд, пятнадцать. Досчитать от десяти до нуля. Выдохнуть: «Я завтра к папе поеду».

Утро принесло спокойствие для обоих. Разговор не продолжился. Маша решила подождать несколько дней. За последний месяц Сережа предложил расстаться уже во второй раз, но как-то неуверенно. Маша не отпускала его, обнимала и первой шла на примирение, потом наступало короткое затишье. Она и сама не знала, зачем это делает. За полтора года ее приобретением стала лишь излишняя подозрительность. Она искала в его телефоне ответы на свои вопросы, иногда это походило на помешательство: кто хочет, тот всегда найдет. Сережа писал своим друзьям: «Запутался, отношения не строятся, рано или поздно мы расстанемся. По Ирине скучаю».

Маша молчала день, два. Но долго в себе этого держать не могла. Они ругались. Потом мирились. Опять пытались жить вместе, что-то планировать. Но почвы под ногами уже не было. Единственный выход – перерубить узел и

освободиться, плыть в разные стороны. Страх сковывал. Умные книжки вещали, что любовь приходит через семь лет, другие – что уходит через три. Жизнь не укладывается в математику. Да и когда детей нет, то можно спокойно разбежаться. А детей уже хотелось. Да и навязывали. А может, она растила из Сережи и кошки своих детей, за которых взяла ответственность? А он ведь скучает по той семье, а новой не вышло. Собрала вещи и сказала, что уедет на пару дней в Горьевск.

Улитка в очередной раз зарычала и, открыв нутро, выплюнула Машу на свет. Может, хватит уже мучить друг друга. Да, хватит. Не забыть, как дышать. «Сергей, ты прав, нам нужно стать взрослыми и идти каждому своим путем». Отправить.

Звонит телефон. Папа.

– Ребенок, ты скоро? Я нажарил блины. Вкусные, – протяжно говорит он. – Бегом домой, пока горячие.

Маша чувствует, как под ногами тает снег. Летом здесь хорошо. Надо приехать на недельку. Пить кофе на веранде, читать книги и ни о чем не думать. Медленный вдох, медленный выдох.